

"Идиот" не Достоевского и прочая отсебятина

рассказы

18+

Георгий Алексеевич Серов

Георгий Серов

**«Идиот» не Достоевского
и прочая отсебятина**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Серов Г. А.

«Идиот» не Достоевского и прочая отсебятина / Г. А. Серов —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Что произойдёт, если Достоевский придёт к современному редактору, получить аванс за "Преступление и наказание"? Что произойдёт, если в вашем теле поселится гусеница? Имеют ли книги загрузочные коды смерти, воздействующие на читателя? Ответы на эти, как, впрочем, и на другие вопросы вы сможете найти на страницах данной абсурдистской книги.

Содержание

Идиот (не Достоевский)	5
Загрузочный код	11
Ору́га (То, что живёт во мне)	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Идиот (не Достоевский)

Фёдор Михайлович проснулся сегодня пораньше – ему не терпелось получить от редактора аванс за свой новый роман «Преступление и наказание», тем более, что достаточно давно жил он со своей семьёй не то чтобы за гранью бедности, но, скажем так, покрепче затянув пояса, а если проще, то бедствуя неукротимо.

Виной тому, в основном, была жёсткая, даже жестокая, если можно так выразиться, конкурентная борьба за место под солнцем среди писательской братии.

Наскоро поев чем Бог послал (а Бог послал немного), Фёдор Михайлович оделся по-осеннему и направился на Лиговский в редакцию «Нового слова».

Он вынуждён был выждать в приёмной главного редактора часа три, в течение которых аппетитного вида секретарша вводила во искушение заробевшего Фёдора Михайловича, томным голосом отвечая на входящие звонки и ещё более томным голосом отвечая на пожелания главреда.

– Да, Иуда Эукариотович... Да, конечно. Сейчас будет кофэ. Уже бегу. На мне?... Да, красное... То, что вы любите. – Ответила она после того, как попросила Фёдора Михайловича присесть и подождать «вон в том кресле».

Фёдор Михайлович присел на обширное кожаное кресло и, проводив глазами вихлявшую бёдрами секретаршу с выражением обычной тоски мужика, у которого «денег точно не хватит», принялся терпеливо ждать.

Жена его, Анна Григорьевна, решительно отказала ему накануне в интимной близости, сообщив вдобавок к этому, что без денег завтра он может домой не приходиться. Происхождение денег, подлежащих внесению в семейный бюджет, её абсолютно не волновало. По её словам, заработать деньги он мог, помимо «бумагомарательства своего бестолкового», также и на разгрузке вагонов на Московском вокзале, да и в любом другом месте по его выбору.

Обуреваемый размышлениями о перспективах своего бытия в случае, если главред откажет ему в выдаче аванса, Фёдор Михайлович попеременно то вскидывал руки к голове, то цокал языком и с досадой кивал головой.

В приёмную, подобный ветру, вбежал какой-то модно одетый господин, лицо которого показалось Фёдору Михайловичу неуловимо знакомым. Достоевский долго и мучительно пытался припомнить, где же он видел сего господина, как вдруг воспоминание молнией пронзило его мозг.

Ну конечно, – это был раскрученный писатель Фаддей Мортыхандрович Долевский. Его густо нагримированное лицо часто показывалось в «дьявольском ящике», изрыгающем понос речений на несчастные уши семьи Достоевских, когда по настоянию детишек Фёдор Михайлович гасил долг за кабельное ТВ с какой-нибудь шабашки в виде написания статей на исторические темы (например, о жизни и нравах Петербурга середины 19 столетия. Читателей, в основном, правда, интересовала безнравственность Петербурга, поэтому бедному Фёдору Михайловичу приходилось, скрепя сердце, описывать всякую дрянь, дабы пробиться в печать и получить хоть какой-то гонорар).

Вернемся к Долевскому, ибо он прервал горестные рассуждения Фёдора Михайловича своим бодрим: «Главред у себя?»; а когда наш герой ответил ему на тот счёт, что, мол, секретарша «уже минут двадцать как с кофеином изволили зайти-с», хитро подмигнул ему и с размаху плюхнулся на обширный кожаный диван, стоявший поближе к двери кабинета редактора.

Минут через пять из кабинета выплыла томная секретарша, поправляя сбившуюся причёску. Заметив Долевского, она улыбнулась ему, словно старому знакомому, и шёпотом сказала, глядя на него: «Ждёт. Давай, заходи!».

Слабые попытки Фёдора Михайловича возразить по поводу такой несправедливости (почему он, а не я?), были на корню пресечены резко изменившейся в лице секретаршей, полоснувшей лезвием слов: «Ждите, вас пригласят».

Что творилось в кабинете главреда в течение часа нам не известно, однако поэт гламура выпорхнул оттуда, светясь, словно летнее солнце, и, чмокнув на прощание секретаршу, выскочил из приёмной. На Фёдора Михайловича, сидевшего в своём поношенном костюме в углу приёмной, Фаддей даже и не посмотрел.

Достоевский кашлем обратил внимание на уставившуюся на экран своей бесовской машины секретарши, которая словно забыла о его существовании.

– Кхмм.

– Да?

– Милая мадемуазель, нельзя ли каким-то образом ускорить процесс?... Процесс прохождения через двери в кабинет редактора.

Вскинув, подобно Марии Магдалине на картине Тициана, свои воловьи очи, размер которых увеличивался диоптриями линз, секретарша выдохнула тяжело: «Сейчас»; и набрала телефон шефа.

– Иуда Эукариотович, тут вас некий Достоевский с утра дожидается... Что?... Что на мне? Да... В красном, в красном, которое вам нравится... Вы же сами недавно видели... Что? Хорошо, сейчас зайду.

Секретарша положила трубку, поднялась со своего кресла на колёсиках и, одёрнув юбку, направилась в кабинет главреда. Бросив Фёдору Михайловичу на ходу: «Ожидайте»; она скрылась за тяжёлой дубовой дверью.

– Нет, это уже ни в какие рамки! – Возмущаясь, думал про себя Достоевский. – Сколько же можно меня здесь держать?

Врождённая стеснительность, однако, не позволяла нашему герою предпринимать более решительных действий. Некое шестое чувство подсказывало ему, что если он попытается проникнуть без приглашения в кабинет главреда, то он вторгнется в чужую тайну и, соответственно, совершенно определённо никакого аванса не увидит, как и перспективы печататься в данном издательстве.

Минут через пятнадцать его тяжкие раздумья были прерваны – произошло чудо и из кабинета Иуды Эукариотовича выплыла, поправляя сбившиеся очки и растрепавшуюся причёску секретарша.

Она проследовала к своему столу, затем тихо и мечтательно произнесла:

– Можете войти.

Фёдор Михайлович вскочил, обрадованный, и подбежал к кабинету главреда, после чего тихонько постучался в дверь. Не услышав приглашения войти, он беспомощно посмотрел на секретаршу. Та, глянув на него блестящими от искорок веселья глазами, сказала:

– Проходите, проходите, не стесняйтесь! Шеф в хорошем настроении.

Он, глубоко вдохнув, открыл тяжёлую дубовую дверь и обнаружил, что за ней находится ещё одна дверь.

– Так вот почему редактор не услышал, как я стучусь! – Понял он.

Достоевский постучался в следующую дверь и услышав наконец-то долгожданное: «Да-да, войдите»; приоткрыл вторую дверь. Бочком протиснувшись сквозь неё, он, будучи ослеплён обстановкой кабинета, просеменил к столу главреда.

– А-а, Фёдор Степанович! – С напускной вежливостью сказал главред. Проходите, пожалуйста, присаживайтесь.

– Михайлович. – Поправил его Фёдор Михайлович.

– Михайлович. Да. Фёдор. – Без тени смущения произнёс Иуда Эукариотович – худощавый лысеющий мужчина, с водруженными на переносицу прямоугольными очками.

Достоевский долго не решался выбрать какой бы то ни было стул. Покрутившись вокруг наиболее понравившихся ему двух стульев, он всё же выбрал один из них и неловко сел на краешек.

– Ну что ж, Фёдор Николаевич. – С места в карьер начал главред, доставая из ящика своего стола объёмистую рукопись «Преступления и наказания». – Да уж, пришлось нашему редакторскому отделу попотеть над вашей рукописью! Пока, понимаешь, разобрали ваши каракули. Простите, конечно, но вы не пытались приобщиться к компьютеру, работе с текстовыми редакторами?

– Э-э-э. Кхм. – Фёдор Михайлович не знал, что сказать. – Разумеется пытался, но всё ж, голубчик, не по мне всё это. Уж больно тяжело даётся грамота компьютерная. Не получается. Да и денег нет, компьютеры эти бесовские покупать.

– Ладно, ладно. – Примирительно сказал главред. – Но вы бы, всё-таки, наняли наборщика текстов. Берут они сейчас копейки – конкуренция бешеная. Это бы значительно ускорило процесс вычитывания и правки первоначального текста. Да и не ходили бы сейчас, не обивали бы пороги. Представляете, сидя дома отправляете нам по электронной почте свой роман и ждёте. Год-два – не больше!

– Да, да. – Согласно закивал головой Достоевский. – Но мне бы, знаете, аванс для начала, чтобы, так сказать, имелась возможность кого-то нанимать.

Главред приподнял очки, нацепленные на переносицу, и серьёзно посмотрел на Фёдора Михайловича.

– Тут, Константин Михайлович, загвоздка одна есть. – Сказал он задумчиво.

– Какая такая загвоздка? – Внутри у нашего героя всё похолодело.

– Видите ли, то, что вы излагаете на пятистах страницах убористым почерком, можно уложить максимум в двадцать страниц. История вашего главного героя... э-э-э, Раскольников, кажется, вообще никого не способна взволновать. Нет интриги, загадки какой-то, что ли.

– Но это же психологический отчёт преступления... – Начал было Фёдор Михайлович.

– Дослушайте меня, пожалуйста. Я же вас не перебиваю. – В голосе главреда послышались стальные нотки. – Всё у вас на поверхности: Раскольников пошёл, убил процентщицу, убрал лишнего свидетеля, а потом, можно сказать, залёг на дно, но, не выдержав мук совести, сдался полиции, после чего отправился на каторгу, где духовно преобразился. Надо вам сказать, что роман вам лучше назвать «Идиот». Именно так и будут его называть читатели, хохоча до слёз... В том, конечно, случае, если дочитают, не заснув, до сцены, когда он явился с повинной к следователю.

– Почему же «Идиот»? – Поинтересовался ошарашенно Фёдор Михайлович.

– Да потому, что некие угрызения совести, о которых вы повествуете чуть ли не на двадцати страницах, сейчас не в тренде.

– В тренде? – Переспросил Достоевский.

– Да, в тренде, тот есть, в смысле, не в тренде. То есть не модно, не актуально сейчас, понимаете?

– А что, должна быть мода на совесть?

– Вы меня не совсем правильно поняли. Это в девятнадцатом веке человек мог надолго оставаться со своими мыслями, читать книги. Вы же не хуже меня знаете, сколько всяких мыслей приходит во время чтения.

– Да уж. – Забегав глазами, произнёс Достоевский неохотно.

– А сейчас чуть ли не каждые три минуты новая эпоха начинается. Человек может даже и не вспомнить, что он три дня назад кого-нибудь убил или ограбил. И только правоохранители могут ему напомнить, что он сделал что-то не так в своей жизни. – Главред грустно усмехнулся. – Да и то, ведь, человек до последнего будет утверждать, что он ничего такого не помнит.

– То, о чём вы рассказываете, ужасно! – Схватился за голову Фёдор Михайлович.

Иуда Эукариотович встал из-за стола и начал медленно похаживать вдоль него, вещая менторским тоном втянувшему голову в плечи Фёдору Михайловичу:

– Потом, что за орудие для убийства такое – топор! Фу, как грубо, как топорно, если можно так выразиться! Вам бы надо ввести в качестве орудия убийства пистолет. Подойдёт «ТТ» или «ПМ» с глушителем.

– Но ведь Раскольников – нищ и гол. Где он, по вашему мнению, возьмёт пистолет? На какие деньги он сможет его приобрести? А с учётом того, что, насколько мне известно, пистолетов в свободной продаже не бывает, потратиться ему пришлось бы весьма основательно!

– Ну-у, это читателя волнует в последнюю очередь. Главное – эффективность сцены. Я прямо-таки вижу перед глазами картинку, как Раскольников, воспользовавшись отсутствием внимания старухи-процентщицы, привинчивает глушитель к своему «ПМ'у». Можно описать, как у него трясутся руки, как он долго не может попасть в резьбу, как, увидев, что процентщица в какой-то момент начала смотреть на него в упор, приставляет дуло к её переносице и вышибает мозги, растекающиеся по старому, с облупленным лаком комоду беловатой кашицей на кроваво-алом фоне.

Фёдор Михайлович почувствовал, как остатки непереваренной пищи запросились наружу. Едва сдержав рвотный позыв, он попросил у главреда разрешения выпить воды из кулера, стоявшего в углу его обширного кабинета.

Пока Достоевский с жадностью пил воду, пытаясь забыть обрисованную ему Иудой Эукариотовичем картинку, тот продолжал:

– Ладно, топор можете оставить, чёрт с ним! Но я не заметил в вашей книге ни одной, хоть сколь-нибудь вразумительной эротической сцены. Между тем, у вас имелась прекрасная возможность не единожды свести Раскольникова с Мармеладовой в, скажем так, едином порыве страсти. Да и вообще, следователь у вас – ну просто какой-то сухарь. С ним тоже можно было бы что-нибудь этакое придумать. Поход по значным местам Санкт-Петербурга, например.

Причём, знаете, не просто надо привести какие-то эротические сцены – это уже набило оскомину!

Сейчас более актуально другое, в частности, эротический нуар. То есть недостаточно описания бесчисленных копуляций между главными и второстепенными героями в различных положениях и в самых разных жизненных обстоятельствах. Нужен ещё элемент ужасов. Например, у главного или, по крайней мере, какого-нибудь второстепенного героя останавливается сердце от посткоитальной неги или...

– Не хочу слышать боле. – Зажав уши жестом отчаяния и зажмурив глаза выдавил из себя Фёдор Михайлович.

– Фу ты, Боже, какие мы нежные. – Засмеялся главред, садясь в своё кресло и откидываясь на его спинку.

Пока Достоевский приходил в себя, Иуда Эукариотович успел позвонить домой, проинструктировав домочадцев, во сколько надо начинать собираться на самолёт, отлетающий на Бали, а также распорядиться относительно двух чашечек кофе для него и для «Алексея Михайловича».

Минут через пять Фёдор Михайлович, придя в себя, поднял голову и, вытерев слёзы, намернувшиеся у него на глазах, сказал:

– Я переделывать свой роман не буду. Никакие похабные сцены вставлять не буду, орудие преступления менять не буду. Интриги всякие ваши закручивать я не намерен! В романе речь идёт совсем о другом. В нём...

– Ну хорошо, хорошо. – Перебил его главред, отхлёбывая кофе из своей чашечки и провояжая взглядом ягодицы своей секретарши, принесшей кофе и удаляющейся теперь в приёмную.

– Я могу вас понять, – Иуда Эукариотович скользнул взглядом по измождённому бородавтому лицу писателя, – вы, судя по вашему возрасту, воспитывались ещё при советском строе, а в СССР секса, как известно, не было. Ладно, можете не описывать, как главные герои спариваются и всякое такое.

Он вновь приложился к чашечке с горячим чёрным кофе и, поинтересовавшись для проформы, почему «Сергей Михайлович» не пьёт свой кофе, продолжил:

– Однако настоятельно порекомендовал бы вам вставить в качестве отдельной линии в роман столь модную сейчас тему пандемии какой-нибудь ужасной бессимптомной болезни, например, атипичной пневмонии или коронавируса, на худой конец.

– А это что за чертовщина такая? – Спросил, ужаснувшись, Фёдор Михайлович.

– Да вы, батенька, совсем, что ли, от жизни отстали? Ей-богу, вы напоминаете мне какого-нибудь Перельмана, который сидит в своей квартире, запершись, и выходит только до ближайшего магазина.

– Э-эй, китайцы, коронавирус. – Он пощёлкал пальцами, размахивая рукой перед лицом Достоевского. – Болезнь, пандемия, люди мрут как мухи.

– Говоря по чести, не слышал, – пробормотал Фёдор Михайлович, – я телевизор особо стараюсь не смотреть. Да он у меня и отключен почти всё время – денег нет за кабельное телевидение заплатить.

Словно не слушая его, главред, взор которого загорелся дьявольским огнём, продолжил:

– У меня перед глазами стоит такое развитие сюжета. Раскольников, убив старуху и её сестру, пытается вместе с Сонечкой покинуть Россию на самолёте. Однако закрытие границ в качестве меры, предпринятой для профилактики распространения инфекции, препятствует ему осуществить задуманное, в связи с чем он сдаётся в лапы правосудия, чтобы переждать пандемию в глухих лесах Сибири, где вероятность заразиться сведена к минимуму! Однако Сонечка увлекается там сибирским мачо в лице лесника Добрыни, рождает от него ребёнка...

– О Боже! – Воскликнул Достоевский и вновь впал в отчаяние, понимая, что аванса ему сегодня, да и в дальнейшем, не видать.

– Ладно, ладно. Я вижу, ни одна из моих идей вам не подходит. – Нахмурился главред. – Что ж, не бывает безвыходных ситуаций. Вот я вижу из вашей анкеты, что вы в соцсетях не зарегистрированы. «ЖЖ» у вас тоже не заведён?

– Иуда Эукариотович! Какой «ЖЖ»? Какие соцсети? Я с этой бесовщиной интернетной не научен работать. – Раздражённо ответил Фёдор Михайлович.

– Вот и напрасно! Могли бы себе завести «ЖЖ» с названием «Михалыч» или «Идиот», например, и вывешивали бы там анонсы своих творений, разогревая публику, так сказать. А продвинутый среди публики роман лучше продаётся. После того, как вы наберёте пару миллионов лайков, мы запустим ваше «Преступление» вместе с «наказанием» в печать.

– Какие лайки?! Собаки, что ли?! Я – творец, а не пиарщик! – Взъярился Фёдор Михайлович.

– Ну-у, раз вы не пиарщик, то предлагаю вам печататься у нас на паритетных началах.

– Что значит на паритетных началах? – Чувствуя некий подвох, спросил Достоевский.

– Вы должны внести часть денег за издание книги. – Терпеливо стал объяснять главред. – Часть средств за издание вносит редакция. Вся прибыль от реализации тиража мы забираем себе и если затея окупается, то на следующий тираж мы возьмем с вас меньше денег.

– Вы что, издеваетесь? В чём тогда смысл писательства как профессии, как ремесла? Я что, бездарь какая, печататься за свои деньги?

– Фёдор Михайлович! Ни я, ни, тем более, вы не знаем, бездарь вы или талант. Однако кому, как не мне, лучше знать конъюнктуру рынка, кому, как не мне, лучше знать, будет ли продаваться ваша книга или будет она мёртвым грузом лежать на полках книжных магазинов!

Фёдор Михайлович встал в раздражении и, обращаясь, по-видимому, сам к себе, сказал:

– Подите вы прочь!

После этого он, не оборачиваясь в сторону главреда и опустив глаза, вышел из кабинета. Не попрощавшись с секретаршей, он снял с вешалки своё худое пальтишко и направился к выходу из приёмной. В этот момент у секретарши на столе зазвонил телефон и она подняла трубку.

– Да, Иуда Эукариотович... – Ответила она звонившему главреду. – Да... В красном, в красном, как вы любите... Да, вы же видели... Сейчас, уже бегу.

– Бесовское гнездо порока! – В сердцах подумал Фёдор Михайлович, выходя из здания, где располагалась редакция.

Пока он ждал аудиенции с главредом и общался с ним, набежали тучи, и из хмурой серости повалила снежная крупа, которая сыпалась сейчас на его непокрытую голову.

– Да, с учётом обещания Аннушки, придётся мне, наверное, идти на Московский, вагоны разгружать... – Печально подумал Фёдор Михайлович, направляя стопы свои в сторону Площади Восстания^{1 2 3 4}

¹ Да, рассказ полон клише и стереотипов – взять ту же секретаршу.

² Да, идея не нова.

³ Да, имеется неточность – Фёдор Михайлович сначала издал «Преступление и наказание» (1866 г.), а затем уж женился на Анне Григорьевне (1867 г.), которая подарила ему детей: Софью (22 февраля 1868 г. – 12 мая 1868 г.), Любовь (1869 г. – 1926 г.), Фёдора (1871 г. – 1922 г.), Алексея (1875 г. – 1878 г.). Но смысл рассказа не в соблюдении исторической хронологии (он сам по себе – вызов истории), а в том, чтобы показать, в каком конкретно месте сейчас находится литература.

⁴ Не сомневаюсь, что сейчас и Шекспир вряд ли смог бы пробиться в лидеры продаж (в вину ему поставили бы напыщенный, тяжеловатый слог). Его трагедии наверняка были бы поставлены пару раз на заштатных сценах лондонского Ист Энда и, при отсутствии надлежащих инвестиций, на этом бы всё и закончилось.

Загрузочный код

Существует популярное заблуждение, служащее благотворной почвой для разного рода инсинуаций, о том, что в нескольких словах или звуках может быть зашифрован некий код, приводящий к самоуничтожению человека, воспринявшего эти слова (звуки).

Мы можем утверждать, что настолько краткого кода попросту не существует!

На этом наши умозаключения можно было бы завершить, если бы не одно обстоятельство.

Дело в том, что такой код, действующий всякий раз индивидуально, содержится в бесчисленных литературных произведениях, да и в книгах вообще.

Да, друзья, это так. Для каждого человека, проживающего на нашей планете, существует своя книга, содержащая «подходящую» именно для его подсознания кодированную информацию.

Такой код может оказаться в самых, казалось бы, безобидных книгах. Код смерти в «своей» книге может найти как ассенизатор, решивший обогатить свой запас знаний и ознакомиться с общей теорией систем, так и премьер-министр какой-нибудь европейской страны, прочтя на досуге захватывающий труд о занятости жрецов Древнего Египта в период Среднего Царства в течение рабочего дня.

Можно привести два кратких примера, иллюстрирующих данный постулат.

Так, автору достоверно известно, что один молодой человек лет восемнадцати, вообразив себя интеллектуалом, тщетно пытался одолеть невообразимые пассажи гегелевской «Энциклопедии философских наук» и понять, что же всё-таки имел в виду этот досточтимый поэт хрустального мира абстракций.

По прочтении двадцати страниц первого тома «Энциклопедии...» ему, по всей видимости, открылась некая истина, поскольку он вскочил из-за стола и с воплями бросился в ванную комнату (он читал Гегеля у себя дома), где вскрыл себе вены лезвием опасной бритвы.

Пришедшие домой родители с горечью обнаружили, что температура тела их сына уже не слишком отличается и даже вполне себе вписывается в температурный режим ванной комнаты (+22°C).

Обнаруженный ими открытый на развороте 20 и 21 страниц томик «Энциклопедии философских наук» Гегеля со смятыми листами, не оставил никаких сомнений в умах родителей о причине наложения на себя рук их несчастным сыном.

Сошедший с ума от горя отец, бывший профессором кафедры философии местного университета, развёл посередине гостиной костёр, в который побросал бесчисленные тома Гегеля, Шлегеля, Барта, Декарта и иже с ними, предав их огню.

Человеку не осведомлённому ситуация может показаться элементарной – парень просто не выдержал интеллектуальных усилий. Он, можно сказать, получил, наконец, в качестве награды за свои усилия согласие на копуляцию, но вместо симпатичной пухленькой студентки философского факультета, внимания которой он тщетно добивался, такое согласие дала костлявая тётка, одетая в тёмный плащ с капюшоном, с косой в руках.

Автору же в данном случае всё достаточно очевидно: молодой человек различил в философской книге код смерти, посланный ему из далёкого 19-го столетия.

В качестве второго примера можно предложить случай с малоизвестным в России колумбийским писателем Хуаном Хосе Виторио Сантего, перевод некоторых произведений которого осуществлён недавно прекрасным переводчиком испанских речений на русские словеса Пуэбло Буцканяном (Пуэбло любезно перевёл для неосведомлённой в испанском языке публики отрывки произведений данного автора: романа «Чудовищная измена дона Педро Кристо-

баля Марии де Санчеса», а также шестнадцатитомного фундаментального сборника рассказов и повестей «Детальное описание закоулков метафизического мрака»).

Как признавался сам Сантего, на него оказало совершенно ошеломительное, метафизическое влияние произведение нобелевского лауреата в области литературы Жузе Сарاماгу «Двойник». Именно оно, по словам Хуана, подспудно повлияло на цветовую гамму его произведений.

Если неподготовленный читатель обратится к тексту «Двойника», то он в раздражении отбросит саму идею его прочтения буквально через три-четыре страницы.

Своеобразный стиль философствования о банальных вещах, бессмысленные диалоги героев, отсутствие интонационных знаков, отсутствие выделения диалогов вообще, предложения, при прочтении которых к концу забываешь, о чём сообщалось в начале, абзацы на две-три страницы и прочие прелести романа натолкнут читателя на то, что сей опус португальца есть не что иное, как поток сознания стареющего лауреата Нобелевской премии по литературе.

Однако очевидным является тот факт, что Нобелевские премии дают не просто так! По всей видимости, комитет, определяющий достойных выдачи ста тысяч европейских рублей, оценил, пусть и на подсознательном уровне, некоторый «подгружающий» эффект текстов Сарاماгу. Вполне вероятно, что неосознанно намётанный глаз какого-нибудь из членов комитета сумел различить в текстах пару-тройку кодов смерти, которые, несомненно, ждут своих читателей.

Впрочем, мы несколько отвлеклись на Сарاماгу, история которого нас вовсе не интересует. Вернёмся к нашему Сантего.

Сам он, незадолго до смерти непрестанно повторял о некоем коде, засевшем в его голову после прочтения «Двойника».

С учётом увлечения в молодости разнообразными психоактивными препаратами, не исключено, что у Сантего мог открыться канал прямой связи с его бессознательным, поэтому он мог констатировать наличие засевшего в его подсознании кода смерти, запрограммировавшего его кончину в столь раннем возрасте.

Как широко известно узкому кругу почитателей, Сантего, написавший к своему сорокалетию шестнадцатитомник «Детальных описаний закоулков метафизического мрака», пару десятков романов (которые по праву отнесены к лучшим образцам литературы кошмаров, выдержанной в классической манере письма колумбийского декадентствующего даркнауара), покончил жизнь самоубийством, сбросившись с крыши 150-метрового небоскреба «Торре Кристалль», находящегося в колумбийской столице.

Ряд биографов Хуана Сантего склонно относить сей необдуманный поступок к последствиям увлечения им в молодом возрасте психоактивными препаратами, искажающими восприятие мира.

Некоторые биографы выражаются беспощаднее – поступок этот связан с насильственным отлучением от таких препаратов, повлекшим длительную, не заканчивавшуюся до конца жизни Сантего абстиненцию.

Однако они упускают из виду одну немаловажную деталь – слова самого Хуана Хосе Виторио Сантего, недвусмысленно пояснявшего, что некий код саморазрушения засел в его мозгу.

Несомненно, это тот самый код смерти, о котором мы ведём речь.

Остаётся догадываться, сколько случаев, в том числе несчастных, не обязательно связанных с наложением на себя рук (всем известно, что человек зачастую неосознанно осуществляет те действия, которые неизбежно приводят его впоследствии к фатальному финалу), связано с прочтением кода смерти.

Например, человек может заливаться, чуть ли не до потери пульса, алкоголем или встать на путь наркомана, или включить избыточную подачу давления в паровой котёл, рядом с которым он сидит, или отключить систему аварийного охлаждения ядерного реактора, в то время как надо бы включить, или...

Впрочем, случаи неосознанных действий, направленных на самоуничтожение, можно перечислять бесконечно.

Ответим скептикам, которые могут, констатировав угасающий интерес к литературе со стороны большинства населения планеты, усомниться в правдивости излагаемого нами.

Они могут сказать, что люди практически не читают в настоящее время книги, однако это вовсе не уменьшает число суицидов и необдуманных поступков, последствием своим имеющих смерть человеческого существа, совершившего данный поступок.

На это возражение у нас имеется достаточно простой ответ. Последствия считывания кода могут быть весьма отдалёнными. Так, восприняв в раннем детстве код, содержащийся в инфернально-сюрреалистических кошмарах сказок «Колобок» или «Незнайка на Луне», человек может, поскольку код считан и намертво засел в его подсознании, и через тридцать-сорок лет после прочтения этих сказок на ночь добрыми родителями (добрыми ли?) начать спать, уничтожая себя как личность.

Таким же образом обстоит дело и с описанными выше путём наркомана или случаем отключения системы аварийного охлаждения ядерного реактора.

То есть является очевидным, что в любой книге зашифрован код смерти, тихо ожидающий своего читателя.

С одной стороны это успокаивает – код смерти не содержится в одном предложении или парочке звуков, как по сему поводу любят спекулировать некоторые писатели, нагнав ужаса на неокрепшего мозгами читателя. Необходимо прочитать целую книгу или, по крайней мере, текст со сформулированной основной мыслью.

Вместе с тем, это наводит на мысль о том, что чем больше книг человек прочитает, тем больше его шанс считать код смерти, который останется навсегда в его подсознании и в один прекрасный момент приведёт к гибели данного начитанного существа.

Вполне вероятно, что человечество отказывается постепенно от прочтения книг, подсознательно ощущая, какую опасность они в себе таят.

Вам хочется после этого читать книги?

Где, например, гарантия того, что некий человек, желающий, по наивности своей, духовно обогатиться, пробегая сейчас ленивым рассеянным взглядом эти строчки, не считывает свой код смерти?!

Орúга (То, что живёт во мне)

Не так давно в далёкой латиноамериканской стране – Колумбии – в печать вышла книга «Чудовищная измена» писателя – Хуана Хосе Виторио Сантего (в дальнейшем Хуана Сантего или просто Сантего), который, увы, малоизвестен российскому читателю. Конечно же, в России достаточное количество самобытных и оригинальных писателей, переводится громадное количество творений зарубежных авторов, что и обуславливает, на наш взгляд, досадное невнимание со стороны переводчиков испаноязычных авторов к данному писателю. Мы даже опасаемся, что имя Сантего этим самым переводчикам и не известно.

Грустную историю самого писателя мы приводили в очерке «Загрузочный код», который никто не читал. Здесь же мы осмелимся представить читателю краткий рассказик из его шестнадцатитомного сочинения «Детальное описание закоулков метафизического ужаса».

Разворачивающаяся перед глазами читателя картина метафизического ужаса бытия начинается с достаточно безобидной миниатюры, повествующей о молодом человеке, случайно покончившем жизнь самоубийством.

Автор осмелился привести здесь краткое содержание данной миниатюры, стараясь, по возможности, сохранить присущие Сантего обороты речи, хотя, сами понимаете, такое при осуществлении перевода литературного произведения практически невозможно.

Орúга

(То, что живёт во мне)

С малых лет юный Фернандо Орúга начал замечать, что под его кожей обитает некое мерзкое создание. Судя по ощущениям, это была гладкая гусеница-сороконожка длиной сантиметров сорок.

Он заметил определённую особенность в поведении сороконожки. Когда разум его спал, не был сосредоточен, она проявлялась, начинала копошиться, ковыряться где-то в районе лодыжек или бёдер, вздымая бугры на коже Фернандо. Он чётко ощущал это, находясь на границе сна и яви. Зачастую он вскакивал с кровати, откидывал одеяло и в панике начинал щупать свои ноги, пытаясь задавить эту гадость, высасывающую из него все соки.

Он долго и мучительно засыпал, поскольку как только прекращалась связь с миром материального и его мозг, утомлённый бесконечной борьбой, отключался, ужасное создание, жившее в его организме, начинало своё кропотливое шевеление в подкожных слоях.

Каждый раз утром, когда мозг находится ещё в стадии подготовки к пробуждению, а организм уже начинает впитывать в себя ощущения через органы чувств, Фернандо, благодаря своей вечной спутнице – сороконожке, которая, по всей видимости, хозяйничала в организме несчастного мальчишки, перемещаясь по ногам, ягодицам, нижней части живота.

Зато когда он сосредотачивал свои мысли на этом мерзотном создании, оно, словно опасаясь быть обнаруженным, пропадало, исчезало, по-видимому, в каких-то подкожных, а может, внутримышечных или внутрикостных норах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.